№ 6.

Цѣна 20 к., в провинц. 25 к.

Г-39-71

АДРЕС РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: Николаевская ул., д. 26. Телефон 40—01.

Секретарь редакціи принимает ежедневно, кромѣ воскресеній, в помѣщеніи редакціи с 5—7 ч. вечера.

Контора редакціи открыта с 10—12 дня, с 5—7 ч. вечера.

БУРЕВѢСТНИК

ОРГАН ФЕДЕРАЦІИ АНАРХИЧЕСКИХ ГРУПП.

Условія подписки.

на 1 мѣсяц . . . . . 4 р. — к.
на 2 „ . . . . . 7 „ 50 „

Перемѣна адреса 40 к.

Подписка принимается в конторѣ редакціи „Буревѣстника", Николаевская 26 и во всѣх группах федераціи.

Подписка принимается на ежедневную газету только с 1-го числа.

Пятница, 17 ноября — ЕЖЕДНЕВНО. — 1917 год.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

В. О. Группа Анархистов-Коммунистов извѣщает товарищей-анархистов и сочувствующих в том, что в воскресенье, 19 ноября в 2 ч. дня состоится собраніе В. О. группы.

Адрес: В. О. 14 линія, дом 93. Клуб.

СОБРАНІЕ.

Группа анархистов-коммунистов Петергофскаго района извѣщает товарищей анархистов в том, что в воскресенье, 19 Ноября в 11 час. дня состоится собраніе Группы.

(В клубѣ по шоссѣ № 58).

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Результаты выборов в Учр. Собр.

Большевики получили 415.587 гол., к.-д. — 245.628. Большевики получают 6 мѣст, к.-д.—4 мѣста С.-Р.—2 мѣста.

Хлѣбные запасы в П-дѣ увеличились до 300.000 пуд.

За саботаж правительством уволено еще 70 чиновников.

Лѣвые с.-р. исключены из партіи.

Петроград 16-го ноября 1917

Наше убѣжденіе, что очень многіе, так называемые соціалисты, боятся соціальной революціи не меньше, чѣм крупная буржуазія, подтвердилось; бѣглый просмотр соціалистических газет с ясностью дня доказывает нашу правоту.

Причины такого отношенія к соціальной революціи понятны. Слишком много буржуазіи пробралось в политическія партіи и еще больше интеллигенціи. До тѣх пор, пока можно было морочить рабочих, об'ясняя им, что соціальной революціей можно называть выборы соціалистических депутатов в законодательныя собранія, до тѣх пор эти самозванцы соціалисты высказывались за соціальную революцію.

С того-же времени, как с глаз рабочих спала надѣтая на них политиканами повязка, с того времени, как они поняли, что без захвата в общее достояніе народа никѣм не сдѣланной земли и рабочими сдѣланных фабрик, заводов и других предпріятій—для трудоваго люда нѣт соціальной революціи,—эти господа стали уже открытыми ея врагами.

Продолжая наклеивать на свои партіи соціалистические ярлыки, самозванцы—соціалисты распинаются, доказывая, что соціальная революція невозможна, что это только мечты не серьезных людей или зловредная агитація анархистов и лѣвых соціалистов большевиков.

Среди цѣлаго ряда не серьезных доказательств невозможности такой революціи, болѣе сильное впечатлѣніе производит указаніе на то, что западныя буржуазныя государства порвут, раз грянет такая революція с соціалистической Россіей всѣ денежныя и торговыя отношенія и что Россія не сможет тогда существовать.

Можно бы было не считаться с таким заявленіем: мало ли глупостей говорят и пишут не серьезныя люди и люди, отстаивающія свои личные интересы, свою возможность брать несообразно большую долю из народнаго дохода, защищающіе свою власть или возможность пробраться на крупно оплачиваемыя чиновничьи мѣста. Но дѣло в том, что это заявленіе как бы поддерживают лѣвые соціалисты, твердя, что Россія станет соціалистической не иначе, как одновременно с соціальной революціей на западѣ. […] соціальная революція можно только гадать а у нас она началась и идет довольно размашисто. Оглядываться на европейскіе народы и поджидать их—нам не только нѣт смысла, но и прямо таки невозможно. Многомилліонныя массы народа хотят взять свою судьбу в свои руки и уже берут ее.

Будет очень хорошо, если в западных странах вспыхнет великая революція. Очень вѣроятно, что она вспыхнет в нѣкоторых из них. Мы избавимся, благодаря такой революціи, от возможнаго (хотя и не очень) нападенія на нас какого либо из буржуазных государств. Тѣм не менѣе остановить ход нашей революціи мы не хотим если бы даже могли и не можем, еслибы даже хотѣли.

Настаивая на том, что соціальная революція в одной только Россіи невозможна, мнимые соціалисты кричат, что иностранные капиталисты, и правители перестанут давать нам деньги, продавать нам свои и покупать от нас наши товары.

Чрезвычайно сомнительно, что иностранные капиталисты перестанут торговать с нами, а, если это и случится, то, как сейчас увидим, Россія от этого не только не погибнет, но едва ли даже пострадает. А что касается до того, что иностранные капиталисты и правители перестанут давать нам взаймы деньги, то приходится только пожалѣть, что они раньше не догадались прекратить эту свою дѣятельность.

Громадное количество этих взятых нашими правительствами денег пошло прахом, было размотано и разворовано и, что еще хуже, употреблено во вред народу. Так, многіе милліарды были истрачены на проклятую забаву господ правителей—на братоубійственныя войны и милліарды же пошли на подавленіе революціоннаго движенія 1905—6 года. Небольшая часть этих денег, очень не расчетливо и мало производительно, была потрачена нашими крупными капиталистами, которые не преминули нажиться при этом, а наш трудовой народ только нищал от этих правительственных займов. Ему приходилось не только уплачивать эти долги по частям, но платить по ним высокіе проценты. так как „благодѣянія" иностранных капиталистов и правителей оплачивались—ненормально дорого.

С народа всяческими хитростями выжимались „косвенные" налоги и грубым насиліем сбирались и выколачивались прямыя подати. Крестьянин должен был отдавать свой хлѣб за-границу, а сам голодал в своих, зачастую убогих, избенках. Крестьянка должна была продавать скупщику куриныя яйца, молоко, масло и морить полуголодом ребятишек, а вырученныя ею деньги незамѣтно вытягивались косвенными налогами и значительной частью шли заграницу на уплату процентов тамошним богачам. Городской рабочій тоже платил за все в три дорога опять таки благодаря „хитрой механикѣ" косвенных налогов, да и прямо посылал своей роднѣ в деревню деньги на уплату податей.

Заграничные заимодавцы, эти ростовщики, как піявки, сосали русскій народ и их займы были полезны только нашим правителям да крупной буржуазіи.

Наш народ, господа самозванные соціалисты, только выиграет от того, что с его плечь свалится тяжкое бремя займов. Не к чему еще туже затягивать ему и без того уже перетянутое горло. Не мѣшайте ему, самозванные ученые, вздохнуть полной грудью.

Что касается до прекращенія с нами торговли, то во-1х такая пріостановка может быть только кратковременной, а во 2-х она была бы страшна Россіи, если-бы у нас не хватало земли для производства хлѣба, не было бы богатѣйших каменноугольных копей, не было бы цѣлых гор великолѣпнаго желѣза, не выбрасывали бы нефти нефтяные фонтаны, если бы нам надо было вводить лѣс, пеньку, лен, сало и другіе полезные матеріалы. И хлопок мы получим с нашего востока, а всевозможные матеріалы имѣем в Сибири и на Уралѣ.

Наша страна, благодаря своим необ'ятным богатствам, благодаря их разнообразію, может благоденствовать без ввоза в нее со стороны необходимых для жизни предметов (как для Англіи, например, необходим ввоз хлѣба), без ввоза матеріалов, необходимых для промышленности (как для Франціи необходимым напр. ввоз желѣза). Были бы рабочіе люди и все у них будет. Сами будем—дѣлать и тѣ машины, которыя далеко не в большом количествѣ ввозились из-заграницы, и надѣлаем их в наших вольных мастерских много больше, чѣм могли бы получить.

А если не будем получать из заграницы вин, шелков, предметов роскоши — то от этого не заплачем.

Истинно научное знаніе с полной достовѣрностью может сказать только одно, что соціальная революція сдѣлает Россію сказочно-богатой, что она откроет перед нами волшебно-блестящую, свѣтлую жизнь.

А лихолѣтіе мы переживем, несмотря на всѣ препятствія, которыя будут воздвигать […] ники-соціалисты и буржуазія. Но если вы, господа враги соціальной революціи, сядете нам на шею, как начальство, хотя бы пробравшись обманами и ложью в Учредительное или какое-либо другое Собраніе, будьте увѣрены, справимся с вами.

Молотов.

Русская революція и война.

Одна из главных причин, которая заставила рабочих и крестьян поднять знамя возстанія, внѣ всякаго сомнѣнія, война. Уже слишком тяжело стало жить под двояким бременем—самодержавія и ужасов войны. А одно связывалось в сознаваніи народа с другим. Чтобы перестать воевать, надо было также свергнуть самодержавіе. И заявленіе кадетов да октябристов, что революція первоначально имѣла своею цѣлью болѣе успѣшное веденіе войны, было не больше, как выраженіе своих желаній, надежда придать революціи свое, но чуждое ей направленіе. Факт тот, что первым актом революціоннаго народа было ярко выраженное стремленіе прекратить войну. Вѣрно, это стремленіе было выражено только красивым жестом, неспособное воплотить его в жизн, но в этом виноват не революціонный народ, а его представители, которые взяли себѣ право говорить и дѣйствовать от его имени. И дальнѣйшее развитіе русской революціи подчеркивает и углубляет неодинаковость интересов и вытекающее отсюда неодинаковость отношеній, а разным явленіем жизнь между народом и именующими себя его представителями.

Русская революція, как и всякая другая, возникла совершенно стихійно. Она не была организована ни с лѣва ни с центра. Но тѣ и другіе по возникновеніи ея хотѣли стать хозяевами положенія, пользовать ее для своих цѣлей.

Как движеніе стихійное, оно не имѣло ясной формулировки, точнаго выраженія для своих цѣлей и стремленій. Неудовольствіями и страданіями многих вѣков взлелѣянное и только **ими** подготовленное, оно с неудержимой силой прорвалось, чтобы уничтожить, смести все то, что служило источником долгих мученій и униженій.

Русскій народ, столько столѣтій под кнутом самодержавія спину гнувшій, тьмой и невѣжеством воспитанный, **не мог знать** как […] день послѣ революціи.

Не перспективы свободной, счастливой жизни его на улицу звали. Его толкало туда голод, нужда, отчаяніе! **Он возстал, чтобы разрушать.**

И лишь в **процессѣ** развитія этой разрушительной борьбы могло появиться созидательное творчество. Но это творчество **пока** не сознательное, а скорѣе **ищущее.**

Когда он вышел и увидѣл, как все то, чего он боясь издѣвалось над ним, теперь дрожит и рушится, он почувствовал свою силу и свое значеніе. Он начал понимать, что сила тиранов не в их самих, а поддерживается исключительно непониманіем и трусостью угнетенных. **И лишь тогда** появилось стремленіе, **пока только стремленіе,** взять устройство жизни в свои руки.

Но как?

До революціи власть имущіе никакими средствами не пренебрегали задушить всякую инициативу, всякое стремленіе к самостоятельности. Всѣми силами содѣйствовали они сдѣлать невозможным самостоятельно творчества масс. И результат тот, что народ не вполнѣ увѣрен в себѣ самом, он не совсѣм довѣряет своим силам, он не привык прямо и послѣдовательно идти к своей цѣли. Он надѣется, что кто-то все устроит для него хорошо. И поэтому разным политическим партіям удается воздѣйствіем на эту слабую сторону психики народа, овладѣвая временно его бесознательно служить чужим интересам, облекая это в такія фразы, что он думает о необходимости и полезности этого для него.

Временами ему удается освободиться от попечительства своих опекунов и тогда он становится великим, ломающим основы старой жизни и создающим новыя формы ея.

Временами он инстинктивно понимает гдѣ корень зла и тогда начинает угрожать существованію теперешняго строя, основаннаго на эксплуатаціи и рабствѣ.

Но сейчас-же, как бы испугавшись своей смѣлости и рѣшительности, он покидает свое вѣрное орудіе борьбы и вновь начинает плестись за тѣм, кто красиво говорит и много обѣщает.

И всѣ эти восемь мѣсяцев русской революціи есть непрерывное колебаніе: то волны ея подымаются высоко, народ выходит на улицу для завоеванія своих прав. Он тогда не просит и не требует, а берет и завоевывает. И тогда всѣ политическія партіи безсильны перед его волей. Одни из них явно открещиваются от борьбы под предлогом, что она вредна, другія принимают участіе, но с цѣлью умѣрить теченіе ея.

Но тѣ и другія сознательно […] женію ея.

Далѣе большевики, которые наиболѣе революціонно настроены, признали, что движеніе очень часто протекает помимо и дали вопреки их желаніям. Им очень часто приходится быть только невольными участниками его и то с цѣлью прекратить его.

(Заявленіе Ленина и Зиновьева в свое оправданіе о событіях 3—5 іюля).

По отношенію всѣх замѣчает[illegible] тоже явленіе. Уже столько написано было, столько поспорено, что ни у кого сомнѣнія остаться не может о безполезности в [illegible] огромнѣйшаго большинства народа.

И все-же огромное большинство [illegible] воюет и несет всю тягату вой[illegible]

В этом вопросѣ, как и во всѣх остальных, наблюдается такое колебаніе. Временами рѣш[illegible] и тогда народ заявляет, что [illegible] не намѣрен воевать для чуж[illegible] ему цѣлей. И если война [illegible] дима, то сперва осуществленіе [illegible] мых максимальных лозунгов, [illegible] за завершеніе соціальной [illegible] люціи.

(Много резолюцій было вынесено в этом духѣ).

А вслѣд за этой рѣшительностью наступает апатія, [illegible] вает, надежда, что благожелатели все сдѣлают вмѣсто него. [illegible]

А эти благожелатели, [illegible] находятся! Их так много и [illegible] ослабляют(?) силы его.

От их трудов конечно [illegible] не выходит, но народ находится(?) в бездѣйствіи, питает сладкую(?) надежду об избавленіи и [illegible] жает убивать и быть убитым [illegible] [illegible] хихиканіи и [illegible] удовольствія своих господ.

Всѣ попытки, которые [illegible] сдѣланы его благожелателями [illegible] кромѣ того, что онѣ заранѣе [illegible] речены на полную неудачу [illegible] вредны и ненужны.

Их главный мотив не [illegible] трудящихся, а созданіе такого положенія, при котором они могли [illegible] при помощи и содѣйствіи [illegible] властвовать.

Одна из таких попыток [illegible]

...же Стокгольмская Конференція.

Нѣсколько мѣсяцев подряд всѣ взоры были обращены на Стокгольм. Здѣсь, многіе увѣренно утверждали, что должна рѣшится участь человѣчества. Надѣялись, что соберутся представители всѣх соціалистических партій и подарят мир усталым, измученным народам.

Три года тому назад эти-же самые представители об'явили войну священной. Они призывали все принести в жертву ей. Каждый из них увѣрял, что во имя свободы и правды необходима она.

Во имя этой свободы воюют так-же нѣмцы теперь с революціонным русским народом. Во имя этой свободы так-же Англія заключала позорные договоры с царским правительством, а теперь всѣми мѣрами способствует задушенію русской революціи.

И теперь послѣ этих трех позорных лѣт они рѣшили созвать Конференцію.

Не раскаяніе за прошлое, не желаніе протянуть братски другу руку и общими усиліями обрушиться на единаго и истиннаго врага буржуазію, не стремленіе искоренить тѣ причины, которыя дѣлают вообще возможным какую либо войну, привели их к мысли о необходимости созыва Конференціи.

Будь это так, то обсурдным становится характер ея — желаніе сговориться об условіях, на которых правительства могли-бы заключить мир.

Вся ея предварительная работа была похожа на работу прежних дипломатов. Сближались, вели переговоры и каждый старался отвоевать болѣе выгодныя условія [illegible] буржуазіи своей страны. Засѣдались и обсуждали кто под чьим попеченіем должен быть.

Ясно, раз война капиталистическая и только государство (правители) да капиталисты заинтересованы в ней в ущерб народам, и в то время, когда интересы всѣх народов одинаковы, то не должны имѣть мѣста дипломатическія переговоры об условіях заключенія мира.

Какое значеніе имѣет для угнетенных под чьей палкой они принуждены будут гнуть свою спину.

Им необходимо полное освобожденіе и для этого необходимо соединеніе угнетенных всѣх стран для веденія войны с их общим врагом-капиталистами и государством.

И русская революція в этом отношеніи имѣет огромное значеніе.

Русскій угнетенный народ пробует силы свои. Он не прямо, а зигзагам, временами отступая и неувѣренно, но все-же идет по пути полнаго освобожденія своего.

И другіе народы должны будут откликнуться и присоединится к нему, ибо повсюду положеніе трудящихся невыносимо.

Тогда наступит конец имперіалистической войнѣ и начнется война иная—соціальная революція.

Б.

Никакого вниманія!

(Отвѣт на „Вниманію рабочих" Горькаго).

День-деньской Максим Горькій выступает, как художественный Голіаѳ с хулой на Іегову, на октябрьскую революцію.

Паденіе революціонности М. Горькаго началось вскорѣ послѣ неудачнаго выступленія 3—5 іюля. Ни неэстетичность, ни безтактность не остановили М. Горькаго от геройскаго дѣла добиваніе большевиков. „Бей лежачаго!" пронесся рыцарскій клич по Невскому. И среди этих рыцарей духа был и М. Горькій.

Опять готовится выступленіе. Выступленіе выливается в грандіозную революцію. М. Горькій не знает покоя: министры кадеты арестованы, скорбит его душа, одѣвается в траур—Терещенко в Петропавловской крѣпости. Горы, покрывайте мой позор!

60 анархистов были схвачены ночью, когда они мирно „почивали на своих ложах" в дачѣ Дурново. заключены были в пересыльной тюрьмѣ. М. Горькій молчал. Вся буржуазная пресса изрыгала на них цѣлые потоки ругани и грязи; между усердствующими не отсутствовала и Новая Жизнь. И она печатала всѣ эти лживые подлые „факты" о нахожденіи погромной литературы на дачѣ Дурново, об открытых, изображающих ритуальное убійство и проч. Нѣкоторые из арестованных голодали 7 суток, а Новая Жизнь, не уступая Биржевкѣ, подмигивая буржуазному Невскому, лгала: анархисты об'явили голодовку, а через час попросили кушать...

А. М. Горькій почитывал свою Новую Жизнь за завтраком и думал о необузданности этих анархистов Нечаевскаго типа...

Свирѣпствовал Переверзев, свирѣпствовал Зарудный, диктаторствовал Керенскій,—а М. Горькій никогда не выступал против них, во всяком случаѣ, против них лично. А вот появился на сцену Ленин, пугало обывательщины и буржуазіи, и Горькій, весь контр-революціонная гроза, громом и молніей разразился: Ленин утопист, демагог, безумец и т. д.

Керенскій ввел смертную казнь солдаты разстрѣливались Корниловым, а Горькій самым спокойным образом сидѣл в Крыму. Но как только рабочіе начали вооружаться, а „арестованный" Ленин стал звать к возстанію М. Горькій разучился молчать. „Долой Ленина!" долой этого соціальнаго экспериментатора!—неистово кричит М. Горькій.

Люди были невинными, жили ангелами, тихими кроткими, непротивленцами, одной пѣсней любви была их жизнь, они не знали что такое вражда, что такое убійство, человѣческая жизнь считалась неприкосновенной святыней, не было крови, не было плача— а вот явился сатана Ленин, и пришли с ним раздоры, смуты, всеобще одичаніе.

Так можно было подумать по М. Горькому. Корень зла, демон вражды—это Ленин.

Не разруха, голод, живые трупы окопов, не безработные, голодные и оборванные, не жаждущіе мира солдаты подняли знамя революціи за мир, за землю, за хлѣб—а Ленин...

Ленин открыл в Смольном Институтѣ лабораторію соціальных экспериментов.

Как это умно. Не правда ли?

Ошибаетесь М. Горькій!

Не Ленин, а Голод, сам Царь-Голод экспериментирует.

Это не Ленин. Это Смерти надоѣло косить головы на фронтѣ и швырнула она свою косу на Невскій, задѣвая нечаянно случайных прохожих, мирных тучных обывателей.

Но М. Горькій в слѣпом наступленіи все твердит: Ленин, Ленин!

— Да какой же тут Ленин. развѣ не видишь, слѣпой художник, Царь-Голод и Царевна-Смерть гуляют на улицѣ?!

Тебѣ нужно Валаамовой ослицы, чтоб она открыла тебѣ то, что знает и видит всякій ребенок, всякій малограмотный рабочій.

Напрасно ты взываешь: рабочіе, вниманіе!

Рабочіе голодны, нѣт у них „концентраціи" (сосредоточенія). Дайте им хлѣбу, может тогда появится у них „вниманіе".

Голодным не до „вниманія!"

Опилкин.

12 ноября.

Бѣлое и черное.

Встаю. Подхожу к окну.

Куда исчезла грязь?

Нѣт и в поминѣ.

Какая прелесть кругом.

Все бѣлѣет, серебрится; все тихо, мило, весело и холодно ласково нѣжится на солнцѣ.

Какая ширь, какой размах.

Хрустальная кисть великаго бѣлохудожника выбѣлило весь грязный свѣт в один бѣлый флаг.

Мір—один бѣлый праздник.

Горят бѣлыми канделябрами вѣтви дерева у окна. Стоит бѣло припудренный черный ворон и каркает.

И ты каркаешь сегодня какую то бѣло-мировѣсть.

А вот и ты вѣчно-вооруженный, вѣчно ежившійся хвоями лѣс, вѣчно галдящій, вѣчно рощущій, и ты сегодня переодѣлся бѣлым непротивленцем, втянул в себя иглы, и окружил себя бѣло-мраморным дворцом.

Там на горѣ, в чащѣ, бѣлая царевна, земля, цѣлуется с бѣлым принцем, небом.

В бѣло-мраморном дворцѣ идет бѣлый пир; это празднуется бѣлая свадьба. Сидят, стоя, бѣлые гости, бѣлые великаны, пьют бѣлое вино из бѣлых бокалов; пѣнится бѣлое вино, льется через край, чокаются бокалы, жмутся бѣлоперстыя руки, хрустят, сверкают бѣлыя кольца — тихо, мирно, морозно.

Что то так бѣло — весело кругом?

Пришел ли мир на землю?

Кипѣло, клокотало вчера в моей груди, удушливый туман застилал все перед глазами.

Сегодня все ясно-солнечно кругом, ясно-солнечно и в моем сердцѣ.

Не пришла ли бѣлая Анархія через черную грязь дѣйствительности и черной запекшейся крови бойни и гражданской войны на землю.

Зима ли это. Холод леденящій душу, спокойствіе, пасыщенное ужасами. Ледяная кора, за которой прячется огнистая лава.

Надоѣло бурѣ свирѣпствовать и застыла?

Надоѣло вулкану, дышать огнем и окружил себя ледяным кольцом?

А, быть может это бѣлое лѣто, усѣянное бѣлыми лепестками. Дождь бѣлых цвѣтков.

На всякій случай я схватил шубу и галоши. Одѣлся, вышел.

Очевидно, зима. Прохожіе всѣ одѣты по зимнему.

Солнце свѣтит, но не грѣет. Все оно разлилось самодовольной бѣлой лучезарной улыбкой. Ему весело: ему тепло, а до других— какое ему дѣло!

Там внизу коченѣют ручонки и ножки у бѣдных ребятишек: дров нѣт, хлѣба нѣт.

Стало быть, у нас еще не „один за всѣх", а „всѣ за одного". Стало быть, еще нѣт у нас Коммуны.

Открывается калитка в желѣзном заборѣ вокруг многоэтажнаго зданія, на улицу выбѣгает в припрыжку, мальчик краснощекій полный, за ним бѣжит высокая большая собака, а за нею гувернантка.

— Куда ты, Коля? кричит гувернантка.

Снѣг! Снѣг! прыгая и хлопая в ладоши, ликует мальчик. Он хватает пригоршнями снѣг и бросает в направленіи к гувернанткѣ. Снѣжная пыль обвѣвает его, собаку и гувернантку.

— Какой ты несносный, мальчуган! злобится гувернантка.

Пробѣгает бѣдный оборванный мальчик, между окоченѣлыми пальцами ломтик хлѣба.

Наткнувшись на попрыгуна-Колю, он уронил хлѣб. Собака подхватила его, и убралась куда-то на двор.

Бѣдный мальчик заплакал.

— Уйдем, Коля! взяв его за руки, сказала гувернатка; утащив Колю на двор, захлопнула калитку.

Очевидно, все еще по старому. И многоэтажные дома и лачужки, баловни с гувернанткой, и малыши-голыши голодные.

Иду дальше, уже недалеко до начала трамвайной линіи. Тут первый узел соединяющій Лѣсной с Петроградом. До него Лѣсной-деревня, деревенскія тишинныя улицы так называемаго Сегалевскаго „проспекта", Шадрин, и т. д.,—за ним Лѣсной город. Проѣзжающіе и отбывающіе гости из города—трамваи вливают городскую нервную струю и в величаво-спокойныя чащи, которыя дѣлясь между собою вѣстями из города, нервно покачивают верхушками. Среди них вѣроятно имѣются свои партіи. Вот один меньшевик, тощенькій, низенькій, трусливенькій, изгибаясь взад, он весь „оборона": я только защищаюсь. Но вот второй изгиб вперед: это наступленіе. А вот и Коммуна, густо стоят деревья, опираясь друг на друга, „всѣ мы заодно", Тут и анархист-индивидуалисть, одинешенькій, гордый возвышается он к небу, к солнцу, пренебрежительно озираясь кругом.

Видимо, ничего не произошло. Деревья так покойны.

С трепетом приближаюсь в трамваям: что в городѣ?

Быть может, окраина, еще не знает, лѣс не получил „информаціи" из Смольнаго или из новаго революціоннаго центра.

Под'ѣхал трамвай № 20, свѣженькій сейчас из города; что то у него красуется наверху?

„Кто против буржуазіи, пусть голосует за список 4".

Стало быть, еще есть буржуазія. Стало быть, еще собираются соглашательствовать в учредительном собраніи, **учредить неучредимое.**

Сразу померкло в моей душѣ. Бѣлое задергивается черным, мрачным. Опускаю взор: двѣ ползучих чер- ных змѣя тянутся из города— рельсы ли это?

Русская революція.

(продолженіе).

Одним из первых солидаризировался с Совѣтом... черносотенный великій князь Николай Николаевич, сразу подписавшійся на громадную сумму. Прогнанный царь тоже был до глубины души растрогая патріотизмом Совѣта Р. и С. Д. и собирался поддержать его из награбленных у народа денег, но, вслѣдствіе административной ссылки в Тобольск, не успѣл сдѣлать этого. Народ же, в громадном большинствѣ своем, отнесся к способу, которым Совѣт стал практиковать „Спасеніе Революціи", болѣе чѣм отрицательно и доказал ему это в весьма недвусмысленной формѣ. Он не только не понес „на алтарь родины" своих крох, но и внушительно протестовал. Так, напр., Первый Пулеметный Полк и Второй Отдѣл [illegible] Запасной Автомобильной Роты вынесли слѣдующую резолюцію:

„О займѣ Свободы. Собраніе высказывает свое недоумѣніе: вмѣсто того, чтобы приложить всѣ усилія к потушенію мірового пожара на основах, оповѣщенных в манифестах С. Р. и С. Д., вмѣсто того, чтобы сдѣлать практическіе шаги в этом направленіи, Временное Правительство готовится, повидимому, продолжать войну не только до побѣдоноснаго конца, но и просто без конца. Мы спрашиваем С. Р. и С. Д.: с его ли вѣдѣнія и согласія заключен Временным Правительством этот внутренній заем?..

Такой же запрос был адресован Совѣту собраніем солдат [illegible] Пѣхотнаго Запаснаго Полка и множеством других военных и рабочих организацій. Вся трудовая Россія всколыхнулась. [illegible] в связи с займом прислали в Совѣт слѣдующій болѣе [illegible]:

„Мы рѣшительно протестуем противъ того, что Временное Правительство до сих пор не приняло шагов к ликвидаціи этой кошмарной бойни, вот уже три года разрушающей міровыя цѣнности и уносящей милліоны человѣческих жизней. Мы требуем от Временнаго Правительства опубликованія всѣх актов, заключенных нами с союзниками еще при Николаѣ II. Мы хотим знать, за что мы сражаемся, и требуем от правительства вообще и в частности от нашего Временнаго Правительства открыть свои подлинныя цѣли войны. Временное Правительство должно предложить союзным государствам— Англіи, Франціи и Италіи—начать мирные переговоры на началах рѣшительнаго отказа от захватных вождѣленій и мир без контрибуцій с правом самоопредѣленія каждой націи. Мы признаем, что каждый лишній день войны смертельно грозит нашей, завоеванной трудящимися классом, свободѣ и требуем от С. Р. и С. Д. немедленно приступить к возсозданію Интернаціонала, защитника трудящихся всего міра"...

Эта резолюція пѣхотинцев, писанная **полтора мѣсяца послѣ свержения царизма,** т. е. полтора мѣсяца послѣ того, как злополучный Совѣт осуществлял над буржуазіей свой „контроль" и „держал буржуазію влѣво" содержала всѣ революціонныя требованія [illegible]. В ней говорилось не только о необходимости немедленнаго окончанія войны, но дальше высказывалось также отрицательное отношеніе к „Займу Свободы" и требовалась **немедленная** передача земли в собственность всего народа.

Что же отвѣтил соціальпатріотическій Совѣт? Он, наконец, раскрыл карты и открыто заявил, что он и не помышляет торопиться окончаніем войны. Он признал и санкціонировал „Заем Свободы". В № 48 „Извѣстій" появилась пропитанная отвратительнѣйшим шовинизмом статья об этом, в которой Совѣт призывал трудовыя массы к поддержкѣ займа. Приведем нѣсколько выдержек из этого [illegible] документа.

Заем свободы.

„Почти единодушным голосованіем С. Р. и С. Д. постановил [illegible] поддержать заем.

[illegible] такого рѣшенія достаточно подробно развиты в предложенной И. К. и принятой Совѣтом резолюціи и здѣсь незачѣм снова подробно останавливаться на них.

Революціи нужны деньги. Это неоспоримо...

Рѣшеніе Совѣта имѣет огромное значеніе для успѣха займа. [illegible] им эти суммы? Но уже крестьяне, у которых война день за днем, втеченіе трех лѣт, отнимала хлѣб и скот, оставляя взамѣн, груды бумажных денег, крестьяне могут обратить эти деньги на покупку облигацій займа.

Но самое важное в рѣшеніи Совѣта это то, что демократія кладет свой штемпель на заем... Революціи нужны деньги. Онѣ нужны ей и для веденія войны.... И пока кипит война, милліоны русских граждан, сидящіе в окопах, не могут быть оставлены без хлѣба, без одежды, без оружія, без снарядов...

Это писалось еще в эпоху Перваго Временнаго Правительства, которое, хотя и не смѣло, вело политику „вѣрности союзникам". Интересно отмѣтить, что Совѣт уже тогда в вопросѣ о войнѣ всецѣло стоял на точкѣ зрѣнія Гучковых и Милюковых, только он прикрывался при этом громкими словами о „спасеніи революціи" которых у Милюкова не было. Разница была лишь в том, что Гучковы и Милюковы, желая продолженія войны, прямо говорили об этом. Они обладали честностью негодяев, имѣющих гражданское мужество открыто признавать, что они дѣйствительно негодяи. Совѣт же, тоже не стремясь ни к чему иному, как продолженію войны, под видом „Займа Свободы" старался выманить у народа деньги, необходимыя буржуазіи для осуществленія милюковской политики. Он и не думал о свободѣ, а только о войнѣ, и сознательно **обманывал** народныя массы.

На этот раз вѣроломство и предательство не прошли для Совѣта безслѣдно. Если до тѣх пор массы высказывали недовѣріе одному только Временному Правительству, лишь **косвенно** упрекая Совѣт в излишней мягкости [illegible] недостаточном соблюденіи контроля, то послѣ санкціонированія Совѣтом займа народное возмущеніе направилось уже прямо против него. В Совѣт одна за другой начали поступат резолюціи с выраженіем явнаго недовѣрія ему. А в резолюціи, вынесенной на митингѣ солдат и части офицеров 436 пѣхотнаго Новоладожскаго полка, уже прямо заявлялось:

„Протестуем против лиц, называющих себя соціалистами, а на дѣлѣ стоящих за продолженіе кровожадной братоубійственной бойни съ цѣлью захвата чужих земель. Таких лиц считаем... измѣнниками и предателями общему народному дѣлу".

Это было не в бровь, а в глаз, ибо совершенно очевидно, что говоря о **соціалистах,** стоящих за продолженіе войны, авторы резолюцій,—а таких резолюцій было много—имѣли в виду уже не господина Милюкова, а непосредственно Совѣт. Послѣдній, однако, продолжал обманывать массы, дѣлая вид, что „не понимает", и взваливая вину на недобросовѣстность своих противников, при этом стараясь попутно дискредитировать этих противников. Вот примѣчаніе редакціи „Извѣстій" к вышеприведенной резолюціи:

„Против каких соціалистов, стоящих за продолженіе бойни, протестуют товарищи, мы не знаем. Таких соціалистов нѣт ни въ Исполнительном Комитетѣ, ни въ Совѣтѣ. Правда, мы знаем, что противники Совѣта обвиняют его руководителей въ стремленіи к затягиванію войны, но къ противникам Совѣта надо относиться съ большой осторожностью".

Говоря так, Совѣт исчерпал до дна чашу лицемѣрія и наглости. Дальше по этому пути идти было некуда, больше изолгаться было невозможно.

Но ложь никогда не может быть скрываема долго, правда всегда обнаруживается. Раз начав скатываться по наклонной плоскости соглашательства с буржуазіей, Совѣт, в силу обстоятельств, не мог уже больше остановиться и сохранить хоть видимость своей классово-пролетарской самостоятельности, а должен был открыто осуществлять политику буржуазіи,—в данном случаѣ безоговорочно **принять войну.** Видя, что утаивать свой грѣх дальше невозможно, он рѣшил „намекнуть" на свое соціальпатріотическое самоопредѣленіе. Но и это он сдѣлал сначала робко, с подходцем, как стыдливая дѣвица, боящаяся признаться „в любви несчастной" к увлекшему ее на скользкій путь чародѣю-обольстителю. Роль посредника [illegible] взял на себя извѣстный друг „демократической культуры" союзников, „интернаціоналист" Аксельрод, помѣстившій в № 58 „Извѣстій" **личное** „Письмо в Редакцію", которое Редакція в свою очередь снабдила „примѣчаніем". Приведем главное содержаніе этого „Письма" и редакціонное примѣчаніе к нему.

П. Б. Аксельрод о войнѣ и мирѣ.

„Я отнюдь не намѣрен прикрашивать и смягчать картину. Наоборот, я грубоко возмущен многими дѣйствіями англійскаго и французскаго правительств. Но в концѣ концов нельзя закрывать глаза на высокую демократическую культуру Франціи и Англіи. Крайне важно, чтобы демократія, как таковая, не была дискредитирована торжеством Германіи, что было бы равносильно торжеству принципа милитаристическаго монархизма".

От редакціи.

Мы с живой радостью отмѣчаем, что не только в основных чертах, но и в подробностях взгляды П. Б. Аксельрода совпадают со взглядами Совѣта Р. и С. Д. и его Исполнительнаго Комитета"...

Тут Совѣт совершенно опредѣленно заявил, что **он будет впредь поддерживать Францію и Англію против Германіи, т. е. что он будет воевать.** Дальнѣйшая его позиція ясно опредѣлилась и вся его послѣдующая линія поведенія неизбѣжно должна была пойти по пути приспособленія к этой **основной** тенденціи. Так оно и было.

Войну нельзя вести в обстановкѣ революціоннаго броженія. Поэтому, опять-таки в силу логической необходимости, Совѣт впредь должен был начать душить Революцію. Так он и сдѣлал,—он объявил открытую войну Революціи, назвав эту войну „борьбою с анархіей". В статьѣ, озаглавленной „Анархія—гибель Революціи", он и в этом вопросѣ предначертал себѣ недвусмысленную программу дѣйствій.

„Мы не исполнили бы своего долга перед революціонной демократіей, довѣряющей нам,—говорилось в этой статьѣ,—если бы не протестовали против ударов, наносимых дѣлу свободы, если бы не призвали к порядку людей, которые, будь это даже с самыми хорошими намѣреніями, срывают Революцію своими самочинными поступками".

Совѣт опять лгал, ибо говоря об ударах, наносимых дѣлу свободы, он имѣл в виду не свободу, а веденіе войны, и призывал „к порядку" не врагов Революціи, а ея сторонников, которые, борясь против войны, вмѣстѣ с тѣм должны были вступить на путь открытой борьбы против Совѣта.

Объявив себя враждебным Революціи, т. е. контр-революціонным, Совѣт уже по необходимости должен был опасаться, как это впослѣдствіи и случилось, **активных выступленій против себя и вперед старался сдѣлать эти выступленія технически невозможными, пытаясь обезоружить рабочих. Контр-революціонный Совѣт не имѣл никаких основаній ожидать от рабочих, солдат и крестьян, против которых он отнынѣ выступал, пощады себѣ. Он знал это, он боялся народнаго гнѣва и, не будучи в состояніи предотвратить вспышку его, принимал всѣ мѣры к его обезоруженію.** В статьѣ, названной „Красная гвардія или милиція?", он вполнѣ опредѣленно указывал на необходимость разоруженія:

„В позавчерашней статьѣ, говорится там, мы высказали взгляд Бюро И. К. и Редакціи на вопрос о „Красной гвардіи". Мы объяснили, почему считаем ненужным, а в нѣкоторых отношеніях даже и вредным самостоятельное существованіе вооруженных рабочих дружин".

(Продолженіе слѣд.)

Александр Ге.

Нѣт! Это застывшая черная злоба рабочих сердец.

Подымаю глаза—свѣтлый веселый воздух прорѣзывают черные тонкой проволокой. Провода ли это?

Нѣт. Это черныя тощія крылья рабочей мысли.

Я сѣл в трамвай. Ѣдем в город. С каждой остановкой все чернѣе и чернѣе становится дорога, чернѣе и чернѣе все кругом. Чернят, хулят небо высокія трубы заводов, изрыгая клубы дыма.

Черная земля, черное небо, черныя закоптѣлыя лица.

Нищета, горе, черная доля.

Гдѣ бѣлое пиршество? гдѣ бѣломраморный дворец?

Пыхтят трубы в отвѣт: спросите англійское небо, может оно знает. Мы ничего не знаем: нам некогда.

Черно—мрачно все кругом. Пестрѣют лишь предвыборные плакаты.

Я сошел с трамвая на Невском. Встрѣчаю знакомаго.

— Посмотрите, вот всѣ партіи. А гдѣ ваши анархическіе плакаты?—он спрашивает.

— Вы были на Выборгской сторонѣ, в Нарвском районѣ, вы видѣли дымовыя трубы? я спрашиваю.

— Да, видѣл. Так чтож?

— Вот наши плакаты, черные плакаты. Впрочем смотрите, вся улица черна, и Невскій черный, дышет утаенной злобой, и Выборгская черная.

Черный плакат с бѣлыми нулями—вот наш список.

— Жутко немножко от вашего списка.

— Ничего не подѣлаешь. Такова наша дѣйствительность. Впрочем, поѣзжайте в Лѣсной. Там в лѣсу так любо—бѣло—там бѣлые рыцари на бѣлом пиршествѣ.

— Но побѣлѣет ли город?

— Да, побѣлѣет. Безсомнѣнно побѣлѣет.

— Когда?

— При Всеанархіи.

— Когда?

— Что вы не слышите? При Всеанархіи. Тогда...

— Тогда черное знамя станет бѣлым.

Улыбнулся мой товарищ и ушел.

Бр. Гордины.

13 ноября.

Нѣсколько слов о современном обществѣ.

За рѣдкими исключеніями соціалисты всѣх школ согласны с тѣм, что положеніе рабочаго класса невыносимо,

Современный общественный строй покоится на экономической эксплуатаціи и на управленіи-угнетеніи одних людей другими.

С одной стороны всевозможные чиновники, а с другой владѣльцы промышленнаго, ростовщическаго, торговаго и прокатнаго капиталов, захваченной земли и захваченных источников сырых матеріалов безпощадно обирают трудящееся населеніе.

Громаднѣйшая часть продуктов народнаго труда, под видом налога, прибыли, процента, прокатной платы и ренты, попадает в руки собственников, правителей и их многочисленных прихлѣбателей.

Нельзя считать нормальным такой общественный строй, при котором значительная часть народнаго дохода присваевается нетрудящимися или мало трудящимися, но трудоспособными лицами, не работающими только потому, что обладаніе собственностью или властью создало для них привилегированное положеніе.

Даже в том случаѣ, если бы матеріальное положеніе трудящихся было сносно, самый факт захвата или полученія не трудового дохода заставил бы работающих бороться против такой эксплуатаціи,..

Эксплуатаціей, как раз, и называется использованіе одного человѣка другим в ущерб интересам перваго и для выгоды второго. В наше время эксплуатація выражается в том, что эсплуататор получает из общаго дохода большую долю, чѣм та, которая пришлась бы ему при равномѣрном распредѣленіи добытых трудом продуктов. Очень часто эксплуататор не дѣлает ничего полезнаго, возможность эксплуатировать других людей дается ему привилегіями. Эти привилегіи были созданы насилием для правителей и собственников средств производства и для собственников нѣкоторых других цѣнных ор[...] труда.

Слѣдствіем эксплуатаціи является такое положеніе дѣл, при котором „богатство одних основывается на бѣдности других". Чѣм богаче одни люди, тѣм бѣднѣе в наше время другіе, своею бѣдностью создавшіе для первых возможность разбогатѣть.

„Рядом с чрезмѣрным богатством,—пишет Ллойд Джорж.—царит ужасная нищета и у нас и в Англіи это сказывается еще ярче, чѣм во всѣх других странах. Тысячи людей самым тяжким трудом не могут заработать достаточно средств для поддержанія своих физических и духовных сил,—в то же время, как другіе не сѣют и не жнут, а все же живут в роскоши. Звѣрь—голод безпрестанно бродит вокруг людских селеній и в каждом городѣ имѣются улицы, гдѣ всегда слышен его вой".

„Одно из самых несообразных и нелѣпых явленій, которое не удивляет нас только потому, что мы к нему привыкли,—говорил Г. Джорж,—состоит в том, что рабочій класс всѣх странах цивилизованнаго міра—бѣднѣйшій класс. Если бы какое либо мыслящее существо, еще не бывшее на землѣ, каким либо чудом явилось бы на нее и вы бы об'яснили ему нашу жизнь, об'яснили бы, как создаются трудом дома, пища и одежда и всѣ вообще предметы, нужные нам для жизни, то существо это, конечно, подумало бы, что тѣ люди которые производят все это, и суть, как раз, тѣ самые люди, которые живут в самых лучших домах и имѣют всего болѣе того, что создается трудом. На дѣлѣ же, в Лондонѣ, Парижѣ, Нью-Іоркѣ, вездѣ,—даже в средних городах,—именно рабочіе то люди и живут в самых бѣдных домах" и живут много бѣднѣе не работающих.

„Куда не взгляну я,—много раньше писал Генрих Галль,—вездѣ истинныя, а еще болѣе того воображаемыя потребности счастливых удовлетворяются исключительно продуктами человѣческаго труда. Да все. что поддерживает, украшаетиоблагораживаетжизнь,—все это пріобрѣтается трудом. А, между тѣм, мы видим, что именно рабочій класс терпит нужду и именно в том, что он сам производит. И, наоборот, класс не трудящійся, но владѣющій деньгами, пользуется в изобиліи всѣми продуктами, производимыми трудом".

Что касается до землепашцев—владѣльцев мелких участков земли, то их положеніе, в Россіи, по крайней мѣрѣ, не лучше положенія городских наемных рабочих. Странный средневѣковый голод, со всѣми его ужасами,—обычный, хотя и не желательный гость наших разоренных деревень.

В общем, прав был Анфонтен, прав и для нашего времени, говоря о современном обществѣ, что в нем „трудящіеся платят извѣстным лицам для того, чтобы они постоянно ничего не дѣлали".

Сотни милліонов людей работают в наше время больше, чѣм это надо для того, чтобы (при условіи справедливаго распредѣленія богатств) обезпечить себѣ благосостояніе, но все таки бѣдствуют. Сотни милліонов работают дольше и напряженнѣе, чѣм можно это дѣлать, не разрушая здоровья.

Богатые люди занимают в нашем обществѣ властное, во всѣх отношеніях привилегированное положеніе. В нашем цивилизованном обществѣ,—пишет В. Моррис,—сырой матеріал и орудія труда находятся в руках небольшой группы лиц, которыя позволяют остальному населенію ими производительно пользоваться только тогда, когда тѣ платят за это большую дань. Эта дань дает собственникам возможность жить, ничего не дѣлая и они только обременяют общество. Но монополисты не удовлетворяются тѣм, что они, как воры и бродяги, получают от производителей все, что им необходимо для жизни. Они пользуются всѣми преимуществами и благами цивилизаціи и при том занимают такое могущественное положеніе, что они почти назависимы отд общества и стоят внѣ законов общества, несмотря на то, что большинство законов было создано только для того, чтобы обезпечить им их положеніе".

Наряду с собственниками, относительно небольшая группа лиц составив очень сплоченную, на іерархических началах организованную и опирающуюся на вооруженных людей шайку, безпощадно обирает населеніе,—прибѣгая, в случаѣ отказа платить налоги, к грубѣйшему насилію.

Эта группа насильников-правителей берет из общаго количества добытых трудом продуктов больше, чѣм собственники и занята не производительным трудом, вредной для общежитія дѣятельностью.

Распаденіе общества на двѣ антагонистическія группы—богатых и властных господ с одной стороны, бѣдных и подчиненых людей, с другой это давно уже замѣченный факт в жизни современных обществ.

„Теперь уже совершенно достовѣрный факт,—питал Ж. Л-марк,—что во всякой странѣ, гдѣ установилась цивилизація, а слѣдовательно, и система собственности, в положеніе ея обитателей является разница, все увеличивающаяся по мѣрѣ прогресса цивилизаціи. Слѣдствіем такого порядка вещей возникло постепенное неравенство в обладаніи имуществами, богатствами и властью. Громадное большинство людей было доведено до бѣдности"....

В подавляющем большинствѣ случаев, богатство и возможность нажить богатство является в наше время привилегіей рожденія. Случайность рожденія в богатой семьѣ дѣлает одних обладателями богатств. Случайность рожденія в бѣдной семьѣ обрѣкает других на нищету.

Говорят, что раньше было еще хуже: случайность рожденія давала одним людям не только экономическія, но и политическія права, а других лишала этих прав. Тѣм не мѣнѣе, и в настоящее время богатство дает людям фактическую политическую власть, а бѣдность обрѣкает других людей на фактическую политическую зависимость.

Фактическое безправіе бѣдняков, зависимость их от чужой воли позволяет многим мыслителям говорить о новом рабствѣ наемных рабочих.

А. Кочегаровъ.

У Красной Гвардіи.

14-го ноября на общем собраніи Красногвардейцев завода Треугольник обсуждался вопрос об оплатѣ труда красногвардейцам за время несенія службы в связи с выступленіем контр-революціонера Керенскаго и Ко.

Организатор красной гвардіи доложил, что имѣется приказ от Исполнительнаго Комитета С. Р. и С. Д. и Революціоннаго Комитета Нарв. Района, об уплатѣ труда красногвардейцам за все время несенія ими службы. Была предложена резолюція; которая была принята единогласно общим собраніем:

„Заслушав доклад об отказѣ заводоуправленіем выдачи жалованія по приказу Исполн. Комитета С. Р. и С. Д., и Революц. Комит. постановили еще раз довести до свѣдѣнія заводоуправленія, что если оно невыполнит приказа С. Р. и С. Д. и Рев. Ком. Нарвск. района о выдачи жалованія всѣм красногвардейцам завода Треугольник мы принуждены за неподчиненіе приказа провести его в жизнь силой или арестом директоров даннаго завода, для препровожденія в Смольный Институт".

Предсѣдатель И. Яковлев.
Секретарь П. Шмырев.

Послѣ принятой резолюціи был послан отряд красногвардейцев в дирекцію завода гдѣ, по врученію им постановленія общаго собранія об уплатѣ, дирекція отказалась платить. Послѣ отказа он было арестовано и препровождено в Смольный институт в слѣдственную комиссію. При разборѣ дѣла им опять было предложено заплатить красногвардейцам, но они отказались. На что дали письменное заявленіе.

Послѣ мотивировки была вынесена резолюція слѣдственной комиссіи слѣдующая; отобрать подписки о невыѣздѣ из Петрограда и назначить революціонный суд. Оплату красногвардейцам постановили взыскать с завода „Треугольник" вплоть до реквизиціи товара.

Товарищи Красногвардейцы и вы рабочіе и работницы! просим вас бросить соглашательство с хозяевами на которое способны—лакеи хозяев. — С.-Д. разных оттѣнков и С.-Р. Этот путь ложен. Соглашательство Керенскаго и его Ко—с буржуазіей привело к трагизму и жертвам передовых борцов. Будьте не соглашателями, а революціонерами. Только прямою борьбою мы можем положить конец этому наглому буржуазному порядку при котором кучка бездѣльников живет в роскоши и довольствіи а мы так-же нищенствуем, голодаем, как и прежде. Добились политической свободы но не экономической, а мы знаем что одною политикою рабочій сыт не бывает ему требуется быть хозяином всего, что оставила нам прошлое поколѣніе.

Мы анархисты хотим полнаго равенства всѣх угнетенных и бездоленных находящихся в промышленной каторгѣ.

Долой позорное соглашательство с хозяевами.

Долой Власть и Капитал.

Да здравствует соціальная революція.

А. Бромер.

Осуществимость Анархической Коммуны!

Когда анархисты - коммунисты излагают свое ученіе, то болѣе развитые и добросовѣстные их противники говорят; „все это великолѣпно и будет когда нибудь, но только через нѣсколько сот лѣт даже у Европейских народов, болѣе культурных, чѣм мы, а русскому совершенно не культурному, темному народу нужна теперь только грамота, ему нужно развиться и подняться до уровня, на котором стоят французы, нѣмцы и англичане. Этот строй осуществится только тогда, когда всѣ люди станут так развиты, что поймут всю глубину вашего ученья, проникнутся им и ясно будут сознавать все счастье, которое даст им жизнь при анархо-коммунистическом строѣ. Кромѣ того, необходимо, чтобы люди нравственно поднялись значительно выше теперешняго уровня, что бы они прониклись уваженіем к личности выробатали-бы в себѣ готовность трудится не только для себя, но и для других. Необходимо, чтобы исчезли лѣнтяи, а теперь без понужденія никто не будет работать". Так-ли это?

Конечно нѣт. Если взрослому объяснить возможность жизни без государственнаго механизма и выгоду устроиться для болѣе продуктивнаго производства в коммуны, то такіе простые истины всякій поймет, да и как не понять человѣку свою собственную выгоду не платить налогов, пріобрѣтать сообща хорошія земледѣльческія орудія и ими сообща обрабатывать землю. Гораздо труднѣе убѣдить в том интеллегента, засорившаго свои мозги всякими нелѣпыми доктринами, ему дѣйствительно приходится перерабатывать свое неправильно составленное представленіе, что довольно трудно. Странно слышать, что наш русскій народ не дорос до анархизма и коммунизма тогда как П. А. Кропоткин в своих трудах доказал, что всѣ народы прежде жили в клановых организаціях безо всякой власти и так жили многія тысячи лѣт и только ряд несчастливо сложившихся обстоятельств уклонил людей от нормальной для них жизни, да и теперь мелкіе племена как то алеуты, эскимосы и австралійцы живут такой же жизнью. У наших великорусских крестьян многое из уклада жизни осталось прежнее не искаженное государственном капиталистическим строем, а также в нравственном понятіи, так например русскими писанными законами они не руководствовались, а вездѣ в волостных судах существовало обычное право. Французы, нѣмцы и англичане, как и многіе из наших интеллегенціи уклонились в сторону от нормальной человѣческой жизни, а между тѣм та нормальная жизнь дала возможность человѣку возвыситься от пещернаго человѣка мало отличающагося от горилы или орангутанга, до теперешняго человѣка.

У француза, нѣмца и англичанина слишком крѣпко засѣло в головѣ понятіе о неприкосновенности частной собственности, они проникнуты уваженіем к финансовым операціям банков, к своим судебным учрежденіям и всему государственному механизму. Если плох кто, то это то или другое лицо, а не система, так что война голод, анархическая литература и сама жизнь докажет им непригодность всего того, а наш примѣр толкнет их на коренную ломку всего строя.

Совершенно другое мы видим у русскаго народа в особенности у великоросса: понятія о собственности на землю он не признает. Землей, как общинник он только пользуется пожизненно. Как не навязывал Столыпин великороссам отрубное хозяйство и в полную собственность землю, не смотря на многіе льготы ему это для большинства провести не удалось и большинство осталось общинниками. Не признавая за собой права на землю, великоросс тѣм болѣе не признавал его и за помѣщиками. Еслибы француза самовольно для себя срубил-бы в чужом лѣсу дерево, то сам, если он не знаком с теоріей анархистов считал-бы это за преступленіе между тѣм русскій крестьянин совершенно не грамотный и никогда не слыхавшій ни о какой теоріи анархистов не признает ничего в своем поступкѣ дурного и если опасается наказанія, только потому, что знает по опыту, что за это наказывают, об'ясняя себѣ что чиновники всегда тянут в руку помѣщика, а не истиной справедливостью. Сам же о своем поступкѣ разсуждает так: „развѣ помѣщик это дерево садил, поливал, растил—почему же это дерево ему принадлежит, когда ему даже в нем особенной надобности нѣт, а есть в нем крайняя нужда". Нельзя не признать, что его разсужденія совершенно правильны и чисто анархичны.

На всякаго чиновника он смотрит, как на дармоѣда, как на совершенно ненужное зло, которое только у него нѣт сил уничтожить.

Взгляды русских рабочих в большинствѣ тѣ же, так как двѣ трети рабочих родились и выросли в деревнѣ и с ней не прорывали связи.

Всѣ признают, что недѣля в революціи развивает народ больше, чѣм десятки лѣт в обычное время. Посмотрите, как на расхват расбирается литература по всѣм фабрикам и заводам, не только разбиратеся но и читается не только легкая, но и серьезная, тоже дѣлается и в воинских частях. Нужно удивляться сколько теперь оказывается между рабочими и солдатами всесторонне начитанных лю[...] литература всюду расхватывается. Задача интеллигентных рабочих анархистов позаботиться что бы источник тот не исчерпывался и он был-бы, как можно болѣе разнообразным и написан языком доступным для пониманія масс в особенности для нашего многомилліоннаго крестьянства.

Нужно поражаться с каким восторгом он читает всякое анархическое произведеніе если только оно писано языком для него понятным. Нѣт надобности русскому крестьянину доказывать преимущества анархо-коммунистическаго строя, так как он с нѣскольких слов понимает сущность и чувствуется, что крестьянин русскій природный анархист-коммунист.

Мы знаем, что в нѣкоторых мѣстах Россіи крестьяне не дѣлили общественную землю на надѣлы между собой, а сообща обрабатывали ее и дѣлили только собранные продукты и это в то время, когда было царское правительство, когда на всякій такой шаг власти смотрѣли очень подозрительно и старались уничтожить их в корнѣ. Всѣм извѣстно что, русскіе крестьяне для всевозможных работ организуются в трудовыя артели, а что такое коммуна, как не усовершенствованная сложная артель. И так русскій крестьянин и рабочій природный анархист—коммунист. По сообщенію эмигрантов русскіе рабочіе в Америкѣ организуются в союзы, руководители которых проповѣдуют анархизм. И так, русскій крестьянин и рабочій стремится к анархизму и всѣ симпатіи его на сторонѣ этого ученія.

Только слѣпые доктринеры марксисты не видят, что в Россіи начался процесс соціальной революціи и первый большой важности шаг в этом направленіи сдѣлан крестьянами, и теперешним временным правительством: земля переходит в трудовое владѣніе безвозмездно. За этим шагом в самом непродолжительном времени нужно ждать слѣдующаго шага столь же важнаго и столь же неизбѣжнаго, это перехода безвозмездно фабрик и заводов в трудовое пользованіе рабочих, что это совершится можно не сомнѣваться.

Вѣдь рабочіе начали революцію и все время идут во главѣ ее, так неужели они, сдѣлавшіе так много для соціальной революціи, не способствовавшіе полученію земли крестьянам, ограничатся для себя только контролем над производством, т. е. почти ничѣм, конечно в контролѣ рабочіе скоро разочаруются. Капиталистам не трудно скрыть всѣ барыши и капиталы, которые они получили за все время войны и воспользоваться первым временным затрудненіем, чтобы прекратить на тѣх или других фабриках работу, что это будут дѣлать капиталисты можно предсказать на вѣрняка, к конечно так умѣло, что доказать это будет очень трудно. Об'единенные в тресты капиталисты поведут это дѣло так тонко, что как говорится комар носа не подточит. Единственное спасеніе рабочих взять в свое полное распоряженіе не только фабрики и заводы, но и капиталы. Взятіе капиталов будет третій шаг соціальной революціи, который навѣрное послѣдует один за другим почти единовременно.

Мы видим что в Россіи происходит коренная ломка всего строя и нѣт сомнѣнія, что русскій народ будет стремиться к анархизму и коммунизму к этому же стремятся и лучшіе представители нашей интеллигенціи, не даром же из семи всемірно извѣстных писателей анархистов три оказываются русскими, а именно: М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин и Л. Н. Толстой, а если прибавить к ним ни чуть не менѣе талантливаго автора „Вопросы Жизни" и „Развитіе жизни" Ив. Вл. Богословскаго, который своими трудами заложил фундамент для новой отрасли знаній, названной им „Эволюціонной механикой", то окажется, что из всемірно извѣстных писателей анархистов половина русских. И так, начинавшаяся у нас соціальная революція согласно духу русскаго народа отбросит весь государственный строй, и народ сорганизуется в коммуны и союзы, которых развивается все больше и больше, частная торговля перейдет в кооперативы, все это произойдет в самом непродолжительном времени, а закончится всесторонним развитіем анархическим строем.

Григорій Сахновскій.

НАУЧНЫЙ ОТДѢЛ.

Пять идеалов пананархизма.

V.

Пятый идеал: Анархизм.

1.

Пятый идеал — это идеал развитой личности. Развитая личность тяготится принудительными нормами, между ней и государством царит непримиримая вражда, кипит борьба. Развитая личность стремится к независимости, к суверенности, между тѣм как государство стремится культурно стушевать ее, низвести ее к стадности, политически-юридически—закабалить, поработить, опутывая ее сѣтью тягостных, давящих законов. Государство — это деиндивидуализація, и потому государство есть варварство: в некультурном варварском обществѣ господствует потому идея примата государственности. Но с развитіем культуры это торжество, это абсолютное порабощеніе личности государством идет на смарку. Личность пробуждается из насильственной государственной спячки и заявляет о своих правах. Тогда начинается планомѣрная борьба за освобожденіе личности, и постепенно добивается нѣкоторых минимальных прав, нѣкоторых неприкосновенностей. Все это совершается с такой неотразимостью, с одной стороны, и полусознательностью, с другой стороны, что никому и в голову не приходит, что тут дѣлают об анархіи, об уничтоженіи власти над личностью, о [...] одного из видов угнетенія современнаго общества. А между тѣм это и есть тот парламентарный анархизм, за который борется либерализм.

На наш взгляд, весь прогресс культуры состоит главным образом в этом ростѣ индивидуализма, в борьбѣ личности за освобожденіе из-под гнета государства.

...торія цивилизаціи это борьба классов, полов, групп (между группой территоріалистов и интерриторіалистов), поколѣній и—что значит все—борьба личности с государством. Пробужденіе и развитіе личности—вот главная задача культуры. И тут именно культура сталкивается с самым страшным его врагом, с государством. Ясно, что государство это некультурность, государство это варварство.

Если проанализировать преступную дѣятельность государства, то увидим, что она сводится к трем ступеням угнетенія: 1) воспрепятствованіе пробужденію личности; 2) угнетеніе таковой, когда она наперекор государственной десиндивидуализаціи все-таки появляется; 3) сведенія проявленной личности на нѣт, или собственно десиндивидуализація (обезличиваніе). И характерно, что этой преступностью характеризуется и преступно-десиндивидуализаторская, угнетательская роль государства по отношенію к коллективной личности угнетенной національности, гдѣ послѣдняя ступень, апогей угнетенія называется „ассимиляціей", а также дѣятельность школы по отношенію к молодежи, гдѣ этот верх угнетенія, доведенія до полнаго обезличиванія, называется „рецептивностью молодой души"...

Далѣе, государство есть не только фактор десиндивидуализаціи, но и деморализаціи. Государство не только угнетает личность; оно обрушивается, ложится всей тяжестью своего подавленія, заглушенія именно на нравственную личность. Для нравственной личности государство есть и очевидная лишняя обуза, и дѣлом дьявола, оно олицетворяет собою одно стремленіе совратить нравственнаго человѣка с пути морали, долга на путь грѣха, уступничества, угодничества безнравственому обществу, или самое лучшее на путь постыдных сдѣлок с ним. Для нравственной личности государство представляет собою дилемму вредности: если оно заставляет дѣлать то, что нравственно, то оно вредно своей лишностью, так как насиліе не **закрѣпляетъ признанія**, не содѣйствует пробужденію чувства долга, а наоборот, вызывая естественное возмущеніе, оно его **затемняетъ**; если же государство заставляет дѣлать то, что безнравственно, даже то, что идет в разрѣз с моралью только данного лица, то оно безусловно вредно, ибо оно безнравственно. Уж не говоря о том случаѣ, когда оно пытается заставить грубым насиліем убивать, участвовать в организованном убійствѣ, называемом войной, человѣка, стоящаго на точкѣ зрѣнія любви и „не убій", тут преступность его очевидна для всякаго, кто только не нравственно слѣп, не совсѣм нравственно изуродован современным государством. Но даже в случаѣ, когда государство сталкивается с низшим уровнем морали, чѣм тот, на котором оно стоит, то опять таки оно безусловно вредно тѣм, что оно не только не содѣйствует **поднятію** этой морали, а, напротив, обрушиваясь карами на этого преступника, который никак себя преступником не признает, оно вызывает озлобленіе, и вмѣсто необходимой морализаціи достигает деморализаціи, огрубѣнія и одичанія данной личности, вмѣсто просвѣтленія,—прояснѣнія и пробужденія к новой для нея болѣе высокой морали, оно ея толкает в бездну антисоціальности, воспитывая в ней закоренѣлаго врага обществу, не только государства. Впрочем, возможен и третій случай, когда личность сознает свою вину, свой проступок, но не в силах была воздержаться от него. Нужна ли кара тогда? Безусловно нѣт. Для нас в том случаѣ вполнѣ достаточно сознаніе вины. Тут всякій суд лишен, ибо он лишь мѣшает самосуду личности над собою: личность не подвергается укорам своей совѣсти, а занята мыслью избѣганія наказанія, инстинкт самосохраненія заглушает голос совѣсти.

Так государство затемняет истинную оцѣнку поступков, так как нѣт больше ни добродѣтели, ни грѣха, а преступленіе, то есть то, за что государство наказывает. При таком положеніи вещей неудивительно, что нерѣдко, если не в большинствѣ случаев, добродѣтель государства есть смертный грѣх, с точки зрѣнія морали, и то, что оно называет преступленіем, есть величайшая добродѣтель. Так государство вознаграждает и надѣляет почестями, крестами и т. п. разбойников, убивающих своих братьев, нерѣдко братьев по угнетенности, по нуждѣ и горю, и карает людей, отказывающихся от воинской повинности, т. е. от грабежа и убійства. Государство, слѣдовательно, или идет против совѣсти, вырывая ее, или же яко-бы замѣняя ее, дѣлает ее лишней. В результатѣ получается страшная безнравственность общества, страшная безсовѣстность, так как в самом, лучшем, и в послѣднем случаѣ совѣсть **вырождается от неупражненія**, от замѣны ее суррогатами вродѣ тюрем и проч.

Проанализируя деморализаторскую дѣятельность государства мы также найдем, что она аналогично десиндивидуализаціи сводится к трем моментам: 1) непробужденіе совѣсти 2) заглушеніе, подавленіе и 3) сведеніе на нѣт.

К чему же стремится анархизм?

Отвѣт ясен: к индувидуализаціи и морализаціи, иначе к Свободѣ и Любви.

Каков же наш анархизм? Отвѣт ясен: анархизм-индивидуализм и анархизм-морализм. По нашему не существует другого анархизма кромѣ индивидуалистическаго. Всѣ эти слова: коммунистическій анархизм и т. д. есть теоретическое заблужденіе, ибо анархизм сам по себѣ есть лишь защита личности, а это индивидуализм. Практически-фактически анархизм коммунизм правильнѣе анархизма-индивидуализма, т. е. когда он отрекается от коммунизма. Анархизм в тѣсном мыслѣ есть лишь рѣшеніе вопроса личности, и слѣдовательно анархизм-индивидуализм, но для рѣшенія рабочаго вопроса, точнѣе, вопроса бѣдных, нужно еще и быть коммунистом. Но оттого, что я к анархизму, который по самой сущности своей есть анархизм-индивидуализм, прибавляю коммунизм, от этого анархизм мой не становится коммунистическим, не мѣняет своей внутренней индивидуалистической природы, как напр. оттого, что я и скрипач и маляр, мое скрипачество не становится малярским. я только утверждаю, что я и скрипач и маляр, но мое скрипачество является лишь скрипаческим. Коммунистическій анархизм таким образом есть такой же абсурд как малярскій скрипач. Нѣт, мы анархисты, т. е. анархисты-индивидуалисты в области государства, в управительной дѣятельности, так как естественный и разумный порядок это тот, при котором личность управляется самим собою, но мы к тому же еще и коммунисты мы не в государствѣ, т. е. не в управительной дѣятельности, а в хозяйственной дѣятельности. Управлять должен каждый самим собою, каждый, как бы на правах независимаго государства, но работать мы должны всѣ вмѣстѣ, кооперативно, коммунально, не индивидуально. Как анархизм-индивидуализм только не исключает, не противорѣчит коммунизму, но не есть коммунизм, так коммунизм не исключает, не противорѣчит анархизму, но не есть анархизм. Анархія, т. е. вольное общество мыслимо и без коммуны, равно так же коммуна мыслима без анархіи, ибо можно устроить государственныя коммуны, принудительные законы без одного, без закона о частной собственности. Добровольная совмѣстная работа—вот анархія и коммуна вмѣстѣ. Но это не единица, а 2, И по нашему как один анархизм не достаточен, и не один коммунизм, так и оба вмѣстѣ недостаточны, ибо нужно не 2, а 5; нужен еще и геніантропизм, (очеловѣченіе женщины) нужен еще и космизм (освобожденіе Угнетенных Національностей), еще и педизм (освобожденіе Молодежи) нужно пять идеалов панархизма.

Мы говорим о мыслимости анархіи без коммуны и коммуны без анархіи, но все это лишь схематически, фактически же, предполагаем, и соціотехнически, одна невозможна и не будет без другой, и не только без другой, но и по нашему, без всѣх четырех других; один идеал не осуществится без четырех других. И потому анархическое (вольное), коммунальное, геніантропическое, космическое (націоналкосмополитическое), педическое общество принято называть вообще „Коммуна". Мы также оставляем это слово, хотя оно совершенно непригодно для нас, за неимѣніем другого. Как анархисты-коммунисты вкладывают в коммуну два понятія (и об анархіи и о коммунѣ), так мы, пананархисты, вкладываем в нее 5 понятій. Для оттѣненія и различенія мы бы могли лишь переименовать ее, аналогично пананархизму, в панкоммуну.

Но самый удобный термин для нас остается Пананархія, Всеанархія. Она обнимает всѣ наши идеалы, стремленія и философскіе взгляды словом „Пананархія", включающая в себя освобожденіе и от пяти угнетеній и от двух обманов: религіи и науки, как уж сказано в предисловіи.

Но нѣкоторые анархисты понимают слово анархизм не в собственном смыслѣ, не как одно отрицаніе принужденія и государства, а болѣе широко, как отрицаніе всего зла, что в нашем обществѣ. В этом своем значеніи анархизм совпадает с нашим пананархизмом с его пятью идеалами. Но во избѣжаніе недоразумѣній и обвиненія в гегемоніи личности (при анархизмѣ) или гегемоніи рабочаго и личности (при анархизмѣ-коммунизмѣ) не мѣшало бы быть болѣе точным, называя себя „пананархистами". С другой стороны, нам было сдѣлано, со стороны товарищей анархистов, справедливое замѣчаніе, что в сущности, анархист не может не согласиться с нами, так как анархизм всегда стоял **за освобожденіе всѣх угнетенных** и точка зрѣнія Союза Пяти Угнетенных для него не только пріемлема, но и обязательна, а если им чего то недоставало, то это лишь наш всепроникающій и всеохватывающій анализ. Так по их словам, анархизм-коммунизм вовсе не намѣрен замыкаться в тѣсных рамках двух Угнетенных, пренебрѣгая всѣми другими Угнетенными. Его дуализм есть лишь результат незнанія, в нехватаніи силы анализа, но нисколько не результат узости или пренебреженія интересами других Угнетенных. С момента же выясненія и ознакомленія с пананархизмом, с нашей платформой, платформой Союза Пяти Угнетенных с его пятью идеалами, они, анархисты-комунисты, всецѣло присоединяются к ней. Наша платформа, как наиболѣе широкая изъ всѣх существующих партій, федерацій и браств, может потому служить об'единительным идейным базисомъ всѣм анархистическим толкам.

Таково мнѣніе всѣх наших смышленых „противников"-анархистов; кстати пока нам еще не встрѣчалось видѣть сознательнаго анархиста, отказывающагося от нашей платформы, от идеологіи всѣх пяти Угнетенных, называемой нами пананархизмом. Этим исчерпывается наше отношеніе къ товарищам анархистам или, вѣрнѣе, их отношеніе к нам.

(Продолженіе слѣдует).

Бр. Гордины.

Хроника.

В главном казначействѣ.

В главном казначействѣ 14 и 15 ноября производилась выдача сумм только с согласія комиссара В.-Рев. Ком., хотя оффиціально он не был признан служащими. Согласились сразу признать Совѣтскую власть только низшіе служащіе и часть других служащих, в том числѣ 10 кассиров, нѣсколько бухгалтеров и пр. Но есть и такіе, которые сознательно сабатируют Правительство Совѣта Народных Комиссаров, травят из'явивших согласіе признать Совѣтскую власть и держат в своих руках несознательную часть служащих, главным образом, „барышень", получающих жалкіе оклады.

15 ноября состоялось собраніе служащих главнаго казначейства при участіи представителей Центральной Думы, которые были приглашены, как „нейтральная" сторона. Между тѣм, представитель В.-Рев. Ком. был удален с собранія, гдѣ обсуждалось отношеніе к Совѣту Народных Комиссаров. Не было дано право голоса и тѣм служащим, которые раньше уже согласились признать Совѣтскую власть. Послѣдніе тогда ушли с собранія и устроили свое отдѣльное совѣщаніе, на котором единогласно приняли слѣдующую резолюцію:

„Мы, низшіе служащіе и часть других служащих Государственнаго Главнаго Казначейства, протестуем самым энергичным образом против саботажа народной власти. Мы полагаем, что такой саботаж наносит непоправимый ущерб странѣ и является предательством народа. Мы заявляем, что будем работать совмѣстно с Совѣтом Народных Комиссаров, воплощающих желанія и стремленія трудовых масс".

Другіе служащіе присоединились к служащим Государственнаго Банка, отказались подчиниться Совѣтской власти и об'явили двухдневную забастовку. Однако, в силу своей забастовки они сами не вѣрят. Приходится лишь пожалѣть, что даже нѣкоторые грошь получающіе служащіе идут против народной власти и являются орудіем в руках таких контрреволюціонеров, как Казанскій, Кузнецов, Скороглядов...

Комиссар В.-Рев. Ком.
В. Мицкевич.

Засѣданіе Центральнаго Исполнительнаго Комитета.

(15 ноября в 1 час дня).

Предсѣдатель. Вчера об'явленіе перерыва мотивировалось необходимостью договориться с президіумом Крестьянскаго С'ѣзда по вопросу о сліяніи исполнительных комитетов. На засѣданіях фракцій вопрос о сліяніи и пополненія Ц. И. К. был рѣшен в положительном смыслѣ. Думаю, что так как нами этот вопрос принят единогласно, на засѣданіях фракцій крестьянскаго с'ѣзда этот вопрос также разрѣшен в положительном смыслѣ, мы здѣсь без преній утвердим рѣшеніе, постановленное на засѣданіи обоих президіумов. Сейчас я оглашу результаты, в котором пришли мы на соединенном засѣданіи обоих президіумов. (Читает).

Центральный Исполнительный Комитет составляется на слѣдующих основаніях: от Ц. И. К. С. Р. и С. Д. Крестьянскаго С'ѣзда входят на паритетных началах по 108 представителей, от флота и арміи 100 представителей, от профессіональнаго союза 35 представителей, от „Викжеля" 10 и от почты и телеграфа 5 представителей.

Я подчеркиваю, что так как это рѣшеніе не вызывало никаких разногласій во фракціях, то нам придется только подтвердить это. Дѣло в том, что президіуму Крестьянскаго С'ѣзда нужно сейчас же отправиться на С'ѣзд, чтобы там это также было подтверждено и, таким образом, могло состояться об'единеніе всей революціонной демократіи.

Соглашеніе утверждается без преній.

Предсѣдатель. Пред закрытіем засѣданія позвольте выразить ту увѣренность, что это соединеніе составит прочную основу для соглашенія всѣх трудящихся слоев Россіи.

Сегодня в 5 час. вечера в актовом залѣ состоится торжественное соединенное засѣданіе центральнаго исполнительнаго комитета.

Собраніе закрывается.

Народамъ воюющих стран.

В отвѣт на наше предложеніе немедленнаго перемирія на всѣх фронтах в цѣлях заключенія демократическаго мира—без аннексій и контрибуцій с гарантіей права на національное самоопредѣленіе — германскій главнокомандующій отвѣтил согласием на веденіе мирных переговоров. Верховный Главнокомандующій армій республики, прапорщик Крыленко предложил отсрочить начатіе переговоров о перемиріи на 5 дней, до 19 ноября, дабы снова предложить союзным правительствам опредѣлить свое отношеніе к дѣлу мирных переговоров. Военныя дѣйствія на русском фронтѣ по обоюдному согласію пріостановлены. Никаких перемѣщеній войск за эти пять дней, само собой разумѣется, не должны быть ни стой, ни с другой стороны.

Рѣшающій шаг сдѣлан. Побѣ... Революція в Россіи поставила вопрос о мирѣ ребром. Период колебаній, оттяжек, канцелярских соглашеній закончен. Сейчас всѣ правительства, всѣ классы, всѣ партіи воюющих стран призваны отвѣтить категорически на вопрос: согласны ли они вмѣстѣ с нами приступить 19 ноября—1 декабря к переговорам о мирѣ. Да, или нѣт! От отвѣта на этот вопрос зависит, избѣгнут ли труженики заводов и полей новой зимней кампаніи со всѣми ея ужасами и бѣдствіями, или же Европа будет и дальше истекать кровью.

Мы, Совѣт Народных Комиссаров, обращаемся с этим вопросом к правительствам наших союзников: Франціи, Великобританіи, Италіи, Соединенных - Штатов, Бельгіи, Сербіи, Румыніи, Японіи, Китая. Мы спрашиваем их перед лицом их собственных народов перед лицом всего міра: согласны ли они приступить вмѣстѣ с нами 1 декабря к мирным переговорам?

Мы, Совѣт Народных Комиссаров, обращаемся к союзным народам и, прежде всего к их трудящимся массам: согласны ли они и дальше тянуть эту бойню, без смысла и цѣли, слѣпо идя навстрѣчу гибели всей европейской культуры? Мы требуем, чтобы рабочія партіи всѣх стран немедленно дали отвѣт на вопрос: хотят ли онѣ открытія мирных переговоров 1-го декабря?

Вопрос поставлен ребром. Солдаты, пролетаріи, трудящіеся, крестьяне, хотите ли вы вмѣстѣ с нами сдѣлать рѣшительный шаг к миру народов?

Протест.

Невская группа Анарх.-Ком. протестует против дѣйствій красной гвардіи названнаго района, выразившихся в отобраніи оружія у нѣкоторых дѣйствительных революціонеров.

Группа предупреждает, что при повтореніи подобных эксцессов за послѣдствія не отвѣчает.

Отчет.

Поступило в пользу организаціи Анорхистов Коммунистов за все время революціи через групу московскаго района от товарищей рабочих со слѣдующих заводов:

Завод Сименс-Шукерт 25-го мая 112 р. 70 к., 14-го іюня 276 р. 40 к., 22-го іюня 117 р. 86 к., 7-го сентября 247 р. 35 к., 20-го сентября 200 р., 6-го октября 174 р. 34 к. Итого 1127 р. 65 к.

От рабочих заводов Артур Копель:
15-го мая 59 р. 95 к.
От рабочих фабрики Вильхово: 9-го іюня 17 р.
От рабочих фабрики Скороход: 15-го мая 182 р. 75 к.
14-го октября 177 р. 82 к.
Затѣм от Скорохода есть поступленіе неизвѣстно какого мѣсяца и числа вслѣдствіе разгрома нашей организаціи сумма 291 р. 73 к. Итого 652 р. 31 к.

Всего со всѣх заводов 1856 р. 91 коп.

Просим товарищей с тѣх заводов, которые не помѣщены в отчет, дать нам свѣдѣнія когда и какую сумму они приносили на организацію, так что очень трудно дать правильный отчет вслѣдствіе разгрома нашей организаціи, обратиться по адресу Забалканскій 110, кв. 7 тов Лихачову.

Редакціонная коллегія:
Г. Богацкій.
Бр. Гордин.
А. Карелин.
Н. Солнцев.

Товарищи рабочіе!

Пресылайте статьи и рабочую хронику. Не стѣсняйтесь ошибок и оборотов. Все это будет исправлено.

Требуются ГАЗЕТЧИКИ

НА ЛЬГОТНЫХ УСЛОВІЯХ. Являться: Николаевская ул., д. 26, контора газ. „Буревѣстник", от 10—12 час. у. и от 5—6 ч. веч. Газ. „Буревѣстник" газетчикам можно получать во всякое время от 11 ч. веч.

ВНИМАНІЮ
ТОВАРИЩЕЙ УѢЗЖАЮЩИХ
НА ФРОНТ.

Просим товарищей солдат и матросов уѣзжаюих на фронт или въ деревню, зайти в контору газеты—„Буревѣстника" для полученія безплатно газет.

Къ свѣдѣнію товарищей.

Просим товарищей, случайно имѣющих экземпляр „PRÉLUDE" товарища **Богацкаго** (2-е изданіе на французском языкѣ), передать редакціи „Буревѣстника" для перевода на русскій.

Союз Анархо-Синдикалистской Пропаганды Выбергскаго района.

В МАНЕЖѢ
ГРЕНАДЕРСКАГО ПОЛКА
Петроградская сторона, Большая Вульфова улица.
19-го ноября в 2 ч. дня
УСТРАИВАЕТ
МАССОВЫЙ МИТИНГ
на тему
ТЕКУЩІЙ МОМЕНТ и АНАРХИСТЫ.
Возьмут слово т.т. Волин, Гр. Лапоть, А. Лисс и В. Шатов.
Билеты 1 руб. || Солдаты **50** коп.
Весь доход пойдет в фонд „ГОЛОСА ТРУДА".

Издательство Союза Пяти Угнетенных.
БР. ГОРДИНЫ: Пансоціалистическій Манифест Цѣна 35 к. (распродано).
БР. ГОРДИНЫ: Долой анархію! Цѣна 30 к.
Б. НЕДРОЖИН: Контр-революція. Цѣна 25 коп.
К учащейся молодежи. Цѣна 25 к. (распродано).
ОРГАНИЗАЦІЯМ и ГРУППАМ СКИДКА.
СКЛАД ИЗДАНІЯ.
ПЕТРОГРАД, Троицкая 23. Отъ 5—7 ч. веч.

Вышла из печати брошюра: А. КАРЕЛИН.
ЧИКАГСКІЕ МУЧЕНИКИ.
Цѣна 23 коп.
Обращаться по адресу редакціи „СВОБОДНОЙ КОММУНЫ": ПЕТРОГРАД, Троицкая, 23.